

КОНЕЦ ПОЗИТИВИЗМА?

Вопросы, на которые я хотел бы ответить в настоящей работе, могут быть сформулированы так:

1. Существуют ли позитивисты сегодня?
2. Если позитивистов сегодня нет, то когда они перестали существовать?
3. Если позитивистов сегодня нет, то почему большинство участников современных философских дискуссий в России усматривают позитивистские идеи и подходы в тех или иных высказываниях своих коллег и критикуют позитивизм в целом?

Вопрос о существовании позитивизма в настоящее время, от которого зависят и два остальных вопроса, сложно отнести к числу простых, прежде всего потому, что понимание позитивизма участниками философского диалога не отличается единством. Оно стремительно менялось даже у одного и того же моего собеседника, по мере того как я просил его уточнить понимание позитивизма, задавал дополнительные вопросы, критиковал ранее данные им определения и т. д. И я не припомню случая, чтобы два разных человека сформулировали в беседе со мной абсолютно одинаковые определения позитивизма. Поэтому я уверен, что моя критика современного понимания термина «позитивизм» не будет воспринята как окончательное решение вопроса.

Хотя я намерен в этой статье разобрать основные из наиболее распространенных «определений» позитивизма, всегда найдутся люди, которые захотят дать альтернативные определения или изменить определения, данные ранее, таким образом, чтобы с точки зрения этих, новых определений позитивистов можно было обнаружить и среди наших современников. Если эти, новые версии будут также опровергнуты, они будут предлагать новые варианты определения позитивизма снова и снова, пока их критики не устанут. Свое мнение о причинах существования у некоторых философов склонности держаться за отжившие идеологические ярлыки я также выскажу ниже.

Но прежде я хотел бы сформулировать и рассмотреть основные признаки, которые выделяются почти во всех попытках систематически охарактеризовать позитивизм или оправдать применение термина «позитивизм» к определенным воззрениям. Среди этих признаков, как показал «контент-анализ» проведенных мной бесед о позитивизме, с большим отрывом лидируют три следующих:

1) позитивизм связан с верификационистской теорией значения;
2) позитивизм связан с представлением о том, что содержание науки сводится к анализу наблюдаемых фактов;

3) позитивизм связан с представлением о том, что деятельность философа ограничивается построением и анализом специализированных формальных языков средствами символической логики.

Необходимо отметить, что все три тезиса, которые, таким образом, приписываются позитивизму, действительно выдвигались представителями Венского кружка в 20–40-е гг. прошлого века. Вместе с тем не является секретом и то, что сами авторы этих тезисов через некоторое время отказались от них или заменили их на существенно более слабые утверждения. Более того, те основные результаты, благодаря которым главные фигуранты по делу о позитивизме вошли в историю мировой философии, зачастую получены исходя из посылок, противоречащих этим тезисам, что вполне четко осознавалось самими «позитивистами».

Простейшим примером здесь является экспликация К. Г. Гемпелем таких понятий, как «подтверждение» и «объяснение». Этот результат был получен с использованием теоретико-модельных понятий (например, «истина»), определенных в стиле А. Тарского. Теория истины Тарского, как неоднократно указывалось в том числе и самим Гемпелем, в действительности *противоречит* доктрине верификационизма.

Что касается второго тезиса, то он в исходной своей формулировке был связан с представлением о «фактах самих по себе» и с идеей о том, что исследователю доступны такие факты; более того, они ему доступны, если и только если он проводит свои наблюдения определенным образом и выражает полученный им при этих наблюдениях опыт в определенной логической форме. Эта доктрина была, возможно, наименее долговечной из позитивистских доктрин, и она была раскритикована самими же «позитивистами»

еще в конце 1930-х гг. Вопрос о том, что мы выражаем нашими базисными суждениями и какой теоретико-познавательный статус они имеют, утратил всякую ясность самое позднее к 1940 г. – моменту выхода в свет работы Б. Рассела «Исследование значения и истины». Используя кантианскую терминологию, опора на факты сама по себе из конститутивного идеала превратилась в регулятивный. Но в таком виде доктрина «опоры на факты» утрачивает свой специфически позитивистский характер. В той или иной форме к этому, ослабленному варианту тезиса «опоры на факты» будет склонен практически любой философ, разделяющий классическую (корреспондентную) теорию истины.

Третий тезис, касающийся формализации как метода философии, исторически оказался наиболее долговечным. Хотя он не так уж часто формулировался и обсуждался в явной форме, есть основания утверждать, что тезис этот разделялся большинством философов так называемого позитивистского направления еще в 1940-е гг. Отказ от него произошел в последующие десятилетия в связи с дальнейшим развитием средств формального анализа, в результате которых отдельно взятый формальный язык или формальная теория перестали, за исключением некоторых специальных случаев, быть интересным объектом анализа. Наиболее интересные результаты и направления исследований в так называемой философской логике отчасти уже в 1950-е и определенно начиная с 1960-х оказались связанными с семействами формальных языков, сравнение между которыми осуществлялось в полуформализованном метаязыке, причем неформальным в этом языке оставался как раз в значительной степени дедуктивный аппарат. В результате для современных исследований в области философской логики характерно как раз постоянное маятникообразное движение между формальным и неформальным, общим и специальным способами рассмотрения предмета, что позволяет говорить о многоплановости и во многом универсальности методов анализа, выработанных в современной логике.

Таким образом, несмотря на то, что термин «позитивизм» в своих классических коннотациях неплохо выражает специфическое сочетание идей, характерное для одного из направлений рационалистической философии в 20–40-е гг. XX в., рассмотрение эволюции взглядов наследников позитивизма под вывеской «трансформации

позитивистских идей» является вводящим в заблуждение. У многих позднейших философов рационалистического направления мы встречаем положения и принципы, которые могут рассматриваться как ослабленная форма приведенных выше позитивистских тезисов. Но эти тезисы не являются центральными принципами новейших рационалистических философий; обычно они являются отдаленными следствиями других тезисов, не менее радикальных, чем исходные тезисы позитивизма. Поэтому, рассматривая рационалистическую философию второй половины XX в. преимущественно в контексте ее связей с логическим позитивизмом, мы упускаем главное в этой философии, обращая преувеличенное внимание на периферийные результаты. Называя какие-то идеи или взгляды современных участников философских дискуссий позитивистскими, мы даем им оценку, которую невозможно оправдать с точки зрения популярных представлений о позитивизме, рассмотренных выше.

В свете сказанного наиболее верной стратегией в употреблении термина «позитивизм» представляется признание того факта, что позитивизма как такового сегодня не существует, что этот феномен уже целиком принадлежит истории философии и принадлежит ей, самое позднее, с 1960-х гг. Критикам и апологетам тех направлений современной философии, которые отличаются повышенной степенью рационализма и обращением к методам символической логики, следует поискать новые характеристики и демаркации для такой философии, не довольствуясь готовыми ярлыками, выработанными еще в период марксистской критики «современной буржуазной философии».

Впрочем, у меня есть достаточно серьезные основания полагать, что с этим моим выводом согласятся далеко не все участники современных философских дискуссий. Основания эти являются как априорными, так и апостериорными.

Априорное основание № 1: фактический способ использования термина «позитивизм» наводит на мысль о том, что позитивизм становится своеобразным жупелом современного философского сознания. Современная окологлобальная аудитория в некоторых ситуациях готова «на голубом глазу» приписать тем, кого она записала в позитивисты, самые абсурдные взгляды. Ситуация похожа

на ту, которая в Средние века отмечалась в отношении эпикуреизма. Тогда вполне разумной считалась история о том, что змий соблазнил Адама и Еву в раю не только яблоком, но и эпикурейской философией!

Априорное основание № 2: современная философия расколота на ряд направлений, представители которых испытывают серьезные затруднения в понимании результатов друг друга. Соответственно не всегда получается квалифицированно оценить аргументы противоположной стороны, поскольку они часто бывают сформулированы с использованием специализированного понятийного аппарата. С другой стороны, нет желания и признавать свою некомпетентность в определенных вопросах, о которых рассуждают не только данный оппонент, но и представители другого лагеря на своем «птичьем» языке. В этом случае, если представители этого, другого лагеря достаточно рационалистичны, проще всего охарактеризовать их как позитивистов, предполагая, что обсуждать здесь особо нечего, так как позитивизм в версии ранних Карнапа, Нейрата и Гемпеля давно опровергнут. И сделать вид, что принципиальных отличий между теми, кого характеризуют в данном случае как позитивистов, и упомянутыми представителями Венского кружка не существует.

Апостериорное основание для, как предполагается, неохотного отказа многих участников современных философских дискуссий от термина «позитивизм», составляет опыт обсуждения расширенной версии настоящего доклада на заседании кафедры онтологии и теории познания Уральского госуниверситета. Во время этого обсуждения не менее 90 % участников или предлагали альтернативные определения позитивизма, или склонялись к тому, что, несмотря на отсутствие объективных критериев того, что такое позитивизм, можно говорить о некоем «позитивистском духе» неясной природы, которую проще всего пояснить на примерах воззрений тех лиц, которые не нравятся лично оратору.

Вместе с тем приведенная выше аргументация, по моему мнению, не встретила серьезных контраргументов, поэтому опыт обсуждения настоящего доклада не изменил моего исходного вывода. В современном его употреблении слово «позитивизм» представляет собой не более чем стертую этикетку, которую в современных

российских философских дискуссиях очень часто применяют к самым разным позициям и подходам, представляющимся оппонентам чересчур «плоскими», «научными» или «рациональными», хотя такого рода характеристики этих подходов редко упоминаются как основания для наклеивания данного ярлыка. Для непредвзятого и плодотворного понимания сути современных философских проблем следует признать позитивизм исключительным достоянием истории философии и провести новые демаркационные линии, соответствующие реальному положению дел в философии, а не предвзятым идеологическим клише в духе советского марксизма.

Г. Шеметов

ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМЕ

Сложность вопрошания о человеке в современном философском и научном дискурсе обусловлена отказом от классических канонов метафизического мышления, которое предполагает субстантивацию и необоснованную универсализацию статичных антропологических опытов, рассмотренных сквозь призму гипотезы об их качественной неоднородности или противоположности субъекта и объекта. Метаморфозы научной и философской рациональности, вызванные парадигмальными эпистемологическими переходами, видоизменяют дисциплинарную структуру, содержание и методы социально-гуманитарного познания, одной из задач которого является разработка антропологической проблематики. Кроме того, они ставят перед исследователями задачу реинтерпретации и детривиализации категории «человек», ее освобождения от самоочевидных коннотаций. Сегодня следует заново поставить вопрос как об эмпирической возможности «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше), так и о методологических трудностях его теоретического осмысления,

© Г. Шеметов, 2007